

A romantic couple is shown in a close embrace. The woman, on the left, has long dark hair and is wearing a white off-the-shoulder top. The man, on the right, has short dark hair and is wearing a light blue button-down shirt. They are both looking down with soft expressions. In the bottom right corner, there is a vibrant red rose with green leaves. The background is a soft, out-of-focus landscape with trees and a bright sky.

Верона Шумилова

повести

Любовь - во весь голос

Верона Шумилова

**Любовь – во весь
голос... П О В Е С Т И**

«Издательские решения»

Шумилова В.

Любовь — во весь голос... П О В Е С Т И / В. Шумилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938752-3

Необыкновенно яркая и интересная книга о любви. О любви к детям, к матери, к женщине, к природе, к своей великой Родине. Волнуют страницы тяжёлой семейной трагедии в самом начале книги, радуют до гордости страницы о нелёгкой военной службе своей Отчизне по военным гарнизонам на своей земле и за границей. И везде — любовь, верная, яркая, запретная, но чистая, как родниковая вода... Приятного чтения!

ISBN 978-5-44-938752-3

© Шумилова В.
© Издательские решения

Содержание

Верона Шумилова	6
Катины рассветы	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Любовь – во весь голос... П О В Е С Т И

Верона Шумилова

© Верона Шумилова, 2018

ISBN 978-5-4493-8752-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верона Шумилова

Член Союза писателей России, лауреат Международного конкурса поэтов-пушкинистов в Нью-Йорке (США), лауреат Международного конкурса «Детские радости», многократный лауреат и дипломант Московских фестивалей и конкурсов. Изданы 14 поэтических сборников и два романа: «Марьяна» и «Счастье в ладошке...»

Книгу составил и оформил
Нагорный Сергей (Maestro)

Катины рассветы

Глава 1

Дождь лил третьи сутки. Редкие, но сильные порывы ветра бросали по стеклам холодные потоки воды, и, казалось, кто-то настойчиво стучится в окно, просясь в теплый дом, чтобы согреться. Меняя внезапно направление, ветер тут же относил летящие водяные струи в сторону, и они, рассыпаясь, резво шлепали по лужам и вскипали многочисленными пляшущими фонтанчиками. До самого неба шевелилась непроницаемая стена дождя, словно он пытался затопить весь белый мир.

Василий, щуря светлые глаза и держа на руках годовалого сынишку, стоял у окна. Он не любил осенних затяжных дождей, каждый раз мрачнел, прислушиваясь к непогоде, хмурился и вслух высказывал свое недовольство природой и, в первую очередь, небом, заливавшим водой землю и людей, которые, не завершив до конца намеченные с утра дела, прятались в подъезды, под козырьки, навесы, а то и под желтеющие, но все еще ветвистые деревья. Но природа всегда распорядилась по-своему: осенью щедро поливала раскисшую на значительную глубину землю, а летом очень скупой распределяла влагу – и растения безжизненно никли в горячем неподвижном зное.

Презрительно скривив губы, Василий нервно задернул штору и, придерживая Олежку одной рукой, неловко наклонился, пружиня тело и выгибаясь, открыл тумбочку и достал бутылку: водки в ней было больше половины. Налил полстакана, зыркнул на мальчика, протягивающего ручки к стеклянной посудине, словно прося у него прощение, резко выдохнул и одним махом опрокинул водку в рот. Отломил кусочек черствого хлеба, понюхал его и стал медленно жевать.

Плохо в доме без хозяйки, без матери. Василий впервые понял это три недели тому назад, когда отправил жену в больницу. Никто иной, а он сам виноват в случившемся горе: выпил тогда лишку, бежал за ней по пьяной дурости с молотком, Таня выскочила во двор, запнулась за кирпич, упала и сломала руку. Провожая ее к «неотложке», плакал, просил простить его и клятвенно обещал больше не пить. Она тоже плакала, но не от боли – она ее почти не чувствовала, а оттого, что вынуждена оставить на мужа, в последнее время пристрастившегося к выпивке, двоих малолетних детей: Олежку и четырехлетнюю Катюшу.

– Не волнуйся, Таня, – просил ее, заглядывая в подернутые тоской и усиливающейся болью глаза жены. – Не обижу малышей. Гад буду! Мои ведь, родные...

– Смотри за Олежкой. Он же совсем маленький, – просила мужа, жутко ненавидя его и проклиная в душе за пьянки и скандалы, за сломанную свою судьбу. – И за Катенькой тоже... – Таня глотнула комок, перехвативший дыхание, и больше не сказала мужу ни одного слова. Наклонилась, поцеловала дочку и попросила ее слушаться папу. Повернулась к Олежке, прижала его одной рукой к себе и долго не могла оторваться от него, будто прощалась с ним навсегда, и оставила на его белой фланелевой распашонке с голубыми петушками крупные пятна горьких безутешных слез.

– Береги детей, Василий, – повторила, не глядя на него, и, охая, залезла в машину. – Не пей, прошу тебя... – крикнула уже через стекло и махнула левой рукой: правая, сломленная в двух местах, висела на марлевой повязке.

– Н-не буду, Таня. Поверь в этот трудный час...

Машина рванула с места и скрылась за углом дома.

Василии зашел в дом, сразу же опустевший без хозяйки, посмотрел на детишек, которых теперь надо кормить и поить, и в душе проклинал себя и водку. Клятвенно божился, что без Тани не возьмет ее в рот ни разу, но на следующий же день снова купил у бабки Нади за десятку бутылку крепкого самогона и несколько раз в день выпивал по полстакана. Погодя хмелел, целовал по очереди детей, а потом, сидя за столом, когда они спали, плакал и звал жену.

«Приди же, Таня... Приди – кривил слюнявые губы. – ублажь. Тяжко с двумя, а ты уехала... Я зарекся, что не буду пить, значит, не буду. Сказал что связал, вот так... Последняя-распоследняя... Загляни в душу мою разнесчастную... – булькали в его горле бессвязные слова, и он, мотая головой, стискивал ее руками. – Вернись в дом... Дети голодные. И я, как тот пес шелудивый... – Василий согнулся над столом, часто шмыгал носом и снова, кляня водку, звал жену: – Та-а-нька... Слышь? Дом пустой, вот и пью. Только поэтому... А приедешь, вот тогда... – блуждая вокруг мутными глазами, тут же успокаивал себя: – Ничего, что выпил. С горя ведь... Вот будет рядом Таня, скажет-прикажет в самый последний раз: ««Василий, возмись за ум, пока не поздно», – и он возьмется. А как же? Была бы она дома. Ради нее, Таньки... Навсегда! На всю жизнь... – Качнувшись вправо, Василий боднул тяжелой лобастой головой, будто отгонял надоедливых мух, набычился на бутылку: – Эх, мать твою-раствою! Вот она, миленькая... Вот она, родненькая... – и в который раз, пуская по бороде слюну, звал: – Та-а-нька! Оставлю эту... Ты мне дороже всего... А еще детки... Я гад такой! По рукам и ногам, стерва, связала. Воли нет... – Он еще долго матерился, скрипел зубами, путаясь пальцами в густой шевелюре грязных волос...

На кухне было тепло. В плите дружно пылали сухие поленья, и она дышала жаром. На ней грелась полная выварка воды; рядом, на двух табуретках, стояла детская ванночка.

– Ка-а-тька! Доченька-а-а! – Василий запнулся и, схватившись рукой за тумбочку, прижал к себе сынишку. – Слышь? Будем купать Олежку. Темно уже, и ему спать надо. Наш маленький утомился... – Он крепко поцеловал мальчика, отчего тот заплакал, но Василий не обратил на это внимания и стал его тискать: – Вот он, мой сын! Радость моя... Лю-лю-лю! – и щекотал губами его тепленькую шейку. Олежка совсем неожиданно залился радостным смехом, хотя на глазах блестели слезки. – Мое счастье родное... Моя надежда – Василий снова щекотал губами грудь малыша.

Выставив два передних зубика, Олежка отчаянно хохотал, хватая ручонками за нос отца.

– Катенька! – опять позвал дочь. – Сюда иди! Кому сказал?

Из комнаты вышла тоненькая темноглазая девчушка с толстой косичкой, в которой синел смятый бантик. Теплое голубое платьице было в многочисленных пятнах.

– Папа, ты звал меня? – спросила, глядя на отца. Не дождавшись ответа, подошла к братику и прижалась губами к его крохотной ножке: – Олезенька...

– Да-а-а, – наконец освободился Василий от своих навязчивых мыслей. – Искушаем его, доча, и уложим в кроватку. Пора ему спать.

– А я хочу к маме... Когда она приедет?

Положив широкую ладонь на головку дочери, Василий погладил ее и заморгал светлыми ресницами, гася слезы:

– Скоро, доченька. Сколько у тебя пальчиков на руке?

– Э-э-э, пять... – и стала считать: – Один... два... три...

– Через столько дней и мама вернется. Ну-ка, посмотри за Олежкой, а я приготовлю ванночку. – Василий положил сынишку в коляску, поправил под его головкой голубую подушечку, и Катя стала его качать.

Василий поднял голову, насторожился: он о чем-то думал, но недолго. Поспешно подошел к столу, оглянулся на детей, и, махнув рукой, что, наверное, означало: будь что будет! – налил в стакан немного водки. Подержал в руке, по-видимому, снова решая для себя вопрос: пить или не пить?, рывком выдохнул из себя воздух и выпил, блаженно ощущая, как горячая струя обожгла горло, а затем и грудь. Пошарил голодными глазами по тумбочке и, не найдя ничего, вытер губы рукавом и медленно подошел к плите. Она пылала. Прикрыв глаза и чувствуя себя на подъеме, с умилением слушал детскую колыбельную., которую пела своему братику Катя. Расслабляясь и светлея лицом, думал о том, что недавно ее пела Таня, добрая и славная жена, а теперь вот Катя, а он, отец, в который раз не сдержал свое слово. Представив на миг

Танино измученное лицо и подернутые болью глаза, ругнул себя. Не надо было пить... Жена в больнице, мучается, страдает по его вине, может, и не спит. А он?.. Он, гад, выпил полстакана и еще столько же. Зачем? Не выдержал... Подонок и только! Нет никакой силы воли... – Василий качнулся: у горячей плиты самогон действовал быстро и наверняка. – Как же так получилось? Почему довел себя до ручки? Раньше, года три назад, не пил. И в рот не брал... Любила его Таня, и он ее. Нежное, ласковое создание... Какая жизнь была! А теперь, мать твою... – Он снова посмотрел на малышей, почесал затылок и, глянув на стол, где стояла бутылка с недопитой водкой, вздохнул: – Ну и что, если не часто? Никто же не видит. Раз, два – и в дамки... И, притом, пока Таньки нет... – и с легкостью опрокидывал, как карточный домик, свои зыбкие доводы, только что посетившие его, заполняя душевную пустоту другими мыслями: – Ладно, будет последняя. Последняя-распоследняя!.. С завтрашнего дня завяжу. Вернется Таня, будет рада...

...Слушай песенку ма-а-ю,
Баю-баюшки, ба-а-аю...

громко пела Катя, наклонившись над белокурым голубоглазым братиком.

– И в армии служил нормально, продолжал свою думу Василий, пробуя пальцем воду в выварке, имел кучу благодарностей. Потом закончил институт, работал преподавателем математики и черчения в школе. Все было хорошо. Любил детей, и дети, само-собой, его любили. А теперь?... – Он употребил еще несколько хлестких мужских выражений и с горечью сплюнул. – Когда начался срыв, а затем и падение? Отчего все случилось? Не было ни горя, ни беды... – Василий вытер ванночку полотенцем, проверил ее устойчивость. – Было же время, счастливое и радостное. Было да сплыло... – и снова ругнулся. – А началось все с рюмки. Дружок Витька Наганов, машина его, гараж... Будь он трижды проклят! Бэ-бэ-бэ! – кого-то зло передразнил Василий. – Сомнительные дружки-корешки... Казалось, что глоток водки – чистейший пустяк. Ан нет! За одной рюмкой последовала другая и незаметно, как червь, подтачивала организм и силу воли: муха крылом перешибет, мать твою... И пошло, и поехало, а дальше и вовсе п-покатилось, как с горки снежный ком. Не мужик, а тряпка...

– Папа, возьми Олежкуу, – услышал голос Кати. – Я устала.

– М-минуточку, доча, – отмахнулся Василий, будучи не в силах прервать свои мысли и что-то делать еще. – Трижды на педсовете разбирали коллеги за пьянку, зывали к совести. Он обещал, давал слово, что бросит пить. А дома, уверяя себя, что в последний раз, снова пил и тут же клялся и божился перед женой, что распрощался с ней, гадухой и подлюкой, на все времена! Ползая на коленях, просил поверить ему и помочь выпутаться из крепких водочных сетей, спеленавших намертво не только руки и ноги, но и разум. Как же уйти от окончательного падения, от пропасти, до которой – один шаг, – продолжал Василий допытывать себя, млея у горячей плиты и стараясь сосредоточиться лишь на тех мыслях, что его крайне волновали. – Есть желание уйти, но как? И сейчас отрекся бы от нее, сивухи и бормотухи, да нет сил, чтобы это желание выполнить. Нет их, иссякли, улетучились. Безвольный он и мягкотелый. Стал таким, а был ведь сильным, напористым. В пример другим ставили его, Василия Мезенцева. А что?..

– Па-а-пка-а-а, – опять позвала его Катя. – Ты долго?

– Счас, доченька, счас. – Облизнув высохшие от водки и жары губы, Василий снял с плиты выварку и налил в ванночку горячей воды, ковшиком добавил холодной, сдернул с себя рубашку и окунул в воду, как это делала Таня, оголенный локоть.

«Нормальная водичка. Не жжет... Значит, в самый раз...» – вяло подумал и оглянулся: Катя гремела у Олежкиного лица игрушкой, а тот, часто моргая глазенками, безудержно хохотал.

тал, мотал в воздухе пухлыми ручонками, стараясь схватить погремушку. Колечко светлых волос прилипло ко лбу, а на круглых щеках горел здоровый румянец.

– Сын мой... Радость моя... – все больше хмелел Василий, наблюдая за игрой детей. – Весь в Таньку... Нет, в меня... Как же? И в нее... А Катька в маму... Вылитая... – Сопя и потея, он положил в ванночку теплую пеленку, принес мыло, банное полотенце, чистые ползунки. – Ну вот, сынка, купель готова. Сейчас будем купаться...

Плита раскалилась докрасна. Василий положил на пылающий огонь еще охапку крупных сухих поленьев.

– Доченька. Давай Олежку.

Катя подкатила к отцу коляску.

– Вначале Олежкаа искупается, а потом я. Да, папка?

– Да, солнышко. Завтра утром поедем в больницу. Будем... э...э... чистенькими... ап-чхи-и! аккуратненькими. Мама... ап-чхи-и! – снова чихнул Василий, разбрызгивая во все стороны слюну, – ждет нас. Сегодня не поехали... а-а-апчхи-и-и!..

– Ты, папа, как тот Карабас-Барабас, – улыбнулась Катя, разглядывая взъерошенного отца. – А ну еще разик. А я буду считать.

– Хва-а-тит, – добродушно и расслабленно промолвил Василий и ладонью вытер губы. – Карабас-Барабас, доченька, чихал сорок семь раз подряд. А я всего несколько раз. Простыл, видно.

– Не простыл, а от водки, – говорит, не понимая, Катя, и Василий недовольно поморщился: такая пичуга и та колет ему глаза, не зная, что к чему, и у него тут же испортилось настроение. Он злобно кинул на дочь взгляд, но, увидев ее лицо, успокоился и снова проверил температуру воды. – То, что надо, – ответил сам себе. – Сейчас Олежка будет плавать. А потом Катенька. Ей надо в садик.

– А к маме? – напомнила Катя. – Я хочу к маме.

– С утра пойдем к маме, а потом побежишь в садик. – Думая о завтрашнем дне, Василий заинтересованно разглядывал дочь. Он, отец, ни разу не был в садике, воспитанием детей занималась Таня.

От горячей плиты Василий совсем разморился, покрылся обильным потом и, сдувая его с носа, раздел сына, посадил в воду и прикрыл его ножки пеленкой.

Олежка вначале затрясся, скривился и хотел было заплакать, наполнив глазки слезами, но через какое-то мгновение, растянув в улыбке пухлые розовые губки, уже колотил по воде ручонками, разбрызгивая ее во все стороны; капли падали на раскаленную плиту и тут же, шипя, высыхали.

– Ай-да, молодец! Ай-да, удалец! – суетился возле сына Василий, поливая его тельце теплой водой. Олежка от удовольствия фыркал, крутил головкой и еще резвее бил ладошками по воде. – Так ее, так! – приговаривал Василий, погружаясь в горячую смутную пелену. – Б-бей ее, стерву, бей, чтобы лучше мыла тебя. Лупи ее, сынка... Разливай вод... водичку... Наливай... – и неожиданно запел сильным грудным голосом, отчего малец вздрогнул и затаился: «Выпьем за Родину нашу могучую, выпьем и снова нальем». Василий разогнулся, кинул затуманенный взгляд на стол, где стояла бутылка с недопитой водкой, проглотил слюну.

– Опять будешь пить? – перехватив взгляд отца, беззлобно спросила Катя, возясь в воде с розооой детской мочалкой. – Я маме скажу.

– Не буду, доча. Ей-богу! – на всякий случай побожился Василий, не выпуская с поля зрения бутылку, притягивающую его магнитом. – А ябедничать нельзя. Это плохо...

Василий смахнул рукой обильный пот.

– Отойди, Катька, от плиты. Ишь как пылает. Платье загорится.

Пропустив мимо ушей это замечание, Катя намыливала мылом свою куклу.

– Кому сказал! – прикрикнул на дочь Василий. – Быстра-а-а! – Он пьянел все больше и больше. – Бантик вспыхнет и косичка загорится, а потом платице. Надо понимать... – и излишне суетился возле сына.

Боясь простудить его, совсем недавно переболевшего воспалением легких, то и дело подливал в ванночку горячую воду.

– Ка-а-тька! Раздевайся! Будешь и ты купаться. А мы уже чистенькие... Мы хорошенькие... – Василий пытался помыть сыну ушки, но попадал пальцами то в головку, то в шейку. – Поспим и... и к мамочке поедem. Ту-ту-ту-ту, сынок! – Он смешно надувал толстые губы, пыхтел, испытывая истинное блаженство и умиротворение души. – Баеньки будем... Люли-люлечки...

Василий снова окунул в ванночку локоть.

– погоди, сыночка! Водичка остыла. А тебе нельзя... Ни-ни! Заболеть можешь... А что скажет нам наша мама? М-минуточку... – Он поднял ванночку и, еле удерживая ее в руках, поставил на плиту. – Чуть-чуть под... подогреем... Самую м-малость... Всего чуть-чуть... Он поднял глаза: – Доча, иди сюда. Я на секунду это... в коридор за ведром.

В-водичку надо... вы... вылить... ее надо... – заплетал он языком, не ведая, что делает.

Из комнаты вышла Катя в маечке и трусиках и стала около ванночки.

Страхнув мокрые руки, Василий, шатаясь, вышел в коридор. За ним тут же захлопнулась дверь. Еще не понимая, что же случилось, взял пустое ведро и дернул дверь: она не открывалась. Еще и еще дернул и, сообразив, что же случилось, в один миг оцепенел. Бросив ведро и издав утробный стон, изо всех сил рвал на себя металлическую ручку, выкручивал ее во все стороны. Дверь не поддавалась.

– Олeжка... Олeженька... – мертвея телом и отрезвляясь, звал, вращая белками глаз. – Сыночек... О боже! Что же делать? О люди!.. – и закричал, не помня себя: – Катенька, открой... Нажми и поверни защелку... Нажми и направо... – Он бил плечом в крепкую дверь, напирая на нее всей тяжестью тела. – Открой же! – стонал он, охваченный паническим страхом. – Ведь вода закипит...

– Я, папа, не могу... – откликнулась Катя. – У меня никак не получается.

И тут же заплакал Олeжка.

Теряя самообладание, Василий остервенело бил ногами в дубовые доски, а там, за дверью, заходилcя в крике Олeжка. Плакала уже и Катя.

Обезумев от страха и окончательно отрезвев, Василий метнулся в кладовку за топором. Он разбрасывал во все стороны вещи, а из кухни доносился жуткий крик сына. Василий взвыл, как смертельно раненый зверь, схватил попавшуюся под руки лопату и, выскочив в коридор, рубил ею дверной замок.

– Олeжка!.. Олeженька!.. – дико кричал, размахивая лопатой и вонзая ею в дерево около замка. – Сыно-о-чек! О боже!.. Он же на плите! – Василий с каждой секундой слабел. Кричала уже во весь голос Катя. Василий терял рассудок.

Бросив лопату, он выскочил во двор и побежал к окну, но дотянуться до стекла, чтобы выбить его, не смог. Подрывая ногти, кое-как цеплялся за незначительные выступы кирпичной кладки, подтягивался на какие-то сантиметры и снова сползал на землю. Скрипя зубами, кинулся от окна, оббежал двор в поисках какого-нибудь ящика или бочки, но ничего не нашел. Схватив тяжелое бревно, изо всех сил пытался его подтащить к дому, но бревно было слишком для него тяжелым.

На крыльцо вышел сосед.

– Сергей! – бросив бревно, кинулся к нему Василий. – Помоги! Там в кипятке Олeжка... Он на плите... Варится... – Его лицо было искажено страхом. Сергей ничего не понял.

– Быстрее!.. – Схватив соседа за руку, Василий потянул его к окну. – Помоги взобраться...

Зная, что Василий выпивает, Сергей подумал, что у него началась белая горячка: вращающиеся безумные глаза, синюшного цвета лицо, без рубашки.

– Успокойся, Вася, – пытался он вырваться из его цепких рук. – Зайдем ко мне. Поговорим.

– Помоги же! – вырвался из груди Василия отчаянный вопль, перекрыв шум проливного дождя, и Сергей, облокотившись о кирпичную кладку, подставил ему свое крепкое спортивное тело.

В одно мгновение Василий взобрался на его плечи и кулаком стукнул по стеклу. Оно разлетелось вдребезги, а на голову Сергея упали капли крови.

– Олежа... Сыночек... – закричал Василий и исчез в проломе окна. – О люди! О Боже! – истошно вырывалось из разбитого окна.

Глава 2

Таня не спала. Прислонившись к стене и прислушиваясь к шумевшему за окном дождю, думала о детях. Как они там? Не будь сложных переломов руки, давно бы уехала домой и сама присмотрела за ними или хотя бы помогла Василию. Обещал не пить. Может, и не будет... Конечно же не будет, пыталась убедить себя, содрогаясь от порывов усиливающегося ветра; он стегал по окнам потоками дождя. Детям надо приготовить, накормить их, а еще постирать. С утра до ночи хлопоты... Когда там пить? Хорошо, что ему дали отпуск за свой счет. Справится как-нибудь, не ребенок.

Прислушиваясь к непогоде, Таня осторожно поправила на груди руку в гипсе, потрогала холодные пальцы, пошевелила ими и, не почувствовав боли, облегченно вздохнула. Как-нибудь переберемся без денег, зато малыши будут присмотрены. Не обидит их Вася. Отец ведь... А вдруг не выдержит – выпьет? И заныла душа, и рванулась домой, словно кто позвал ее. Отчего бы? Темная ночь. Да и дети уже спят... Но тревога уже уселась на плечи и придавливала к земле. Тело знобило.

«Надо быстрее домой, – окончательно решила Таня. – Завтра же попрошусь у главврача проведать деток. А сейчас, конечно же, они спят. Олежка во сне шевелит губками, точно грудь сосет. Покормил ли его отец кашкой? Катюша сама попросит кушать. А Олежка...»

Прихватив зубами воротник больничного халата, Таня снова прижалась горячим лбом к холодному стеклу: тревога ее одолевала.

«Почему же так ноет и частит сердце? – пыталась она докопаться до истины. – Что оно чувствует? Неужто беду? Да ну, какая беда ночью?» – Прервав тревожные мысли, неслышно подошла к своей кровати и легла. В палате было тихо: женщины на соседних кроватях спали.

Через дверное стекло в палату проникал слабый свет.

«Олеженька... Сыночек... – шевелила Таня губами, стягивая левой рукой на груди халат. Ей было холодно: зябли руки, особенно пальцы сломанной руки, мерзли ноги. Что делать? И ей захотелось уже сегодня, сейчас же, сию минуту, быть дома, с детьми. – С ними что-то случилось... Что? Да нет же, вздор! Уже поздно. Олежка спит... Завтра увижу его...»

Прикрыв ноги одеялом, Таня поежилась, снова ругнула себя за дурные мысли, ничего, кроме смуты, не дающие, и прикусила до боли горячие губы. «Исхудает ребенок, – расслабленно подумала. – Едва ли Василий сумеет сделать все, как положено. И Катенька еще тоньше станет. Дети мои родные...»

Прислушиваясь к тихим шагам в коридоре, Таня беспокойно повела глазами, в которых почти месяц жила тревога. Бледное осунувшееся лицо и сама вся, словно подросток: худенькая, настороженная, точно птица с перебитым крылом, подвешенным на марлевой повязке. Пожалей кто – так и зальется слезами, и выльет их много, очень много.

«Убежать... – мелькнула пугливая, как огонек свечи, мысль. – А что? Утром, чуть свет, снова прибежит. Лишь посмотрит на детей, лишь притронется к Олежкиным ручкам, узнает, что он здоров, накормлен, и прибежит обратно. Пешком. Какие ночью автобусы! Так и будет мчаться по городу с подвязанной рукой, не останавливаясь ни на секунду. Ей непременно надо быть там, с ними... Но... но почему надо? Не вчера, не позавчера и не завтра, а сейчас, вот в эти минуты? Ведь дети уже спят... А Вася? Спит ли он?»

Сбросив рывком с себя одеяло, Таня поднялась, села, склонив на колени голову: она видит перед собой Олежку в белой с голубыми петушками распашонке, в той самой, в которой он был последний раз, когда она уезжала в больницу; он тянет к ней ручонки и громко смеется, выставив зубки и сузив синие, как васильки, глаза.

Ночь, перечеркнувшая все законы и устои дня, властно витала над уставшими людьми, спавшими и бодрствующими, умиротворяя их своей глубокой тишиной. Но Таню она пугала.

К чему-то прислушиваясь, она осторожно опустила с кровати ноги, нашла тапочки, обула их и вышла в коридор: там, в конце его, за столом сидела медсестра и что-то писала.

– Что, не спится? – спросила она, увидев Таню. – Поздно уже. Отдыхать надо.

– Можно с вами посидеть, Полина Викторовна? Тяжко что-то, точно беду чувствую.

– Глупости говоришь. – Полина Викторовна подняла голову и увидела осунувшееся Танино лицо с темными кругами под глазами. Еще раз выразительно глянула на нее и покачала головой: – Небось, за ребяташками скучаешь? Не надо волноваться: твое состояние передается им.

– А от детей передается матери? – измученно спросила Таня, думая о своем.

– А как же? Кровные ведь люди, из одних клеточек, – делилась своими знаниями опытная медицинская сестра. – Я всегда чувствую, если что с моими мальчишками происходит. Как и все мамы. Закон природы.

– Меня сегодня что-то беспокоит. Дайте таблетку. Беду чувствую. Ох, чувствую...

– Какую беду, Танюша? – улыбнулись из-за толстых стекол очков добрые глаза пожилой женщины. – Дело идет к выписке. Да и муж завтра явится с ребяташками. Увидишь их – и все тревоги как рукой снимет.

– Мне надо сейчас домой, – прошелестела одними губами Таня. – Отпустите хоть на часик. Никто не узнает. К рассвету прибегу. Пожалуйста! Послушайте, как сильно бьется мое сердце. Никогда такого не было.

Взглянув на Таню и увидев ее растерянное лицо, Полина Викторовна поспешно открыла шкафчик, достала пузырек и накапала в стакан с водой двадцать капель валерьянки.

– Выпей и успокойся. Не одни ведь дети. Да и спят они. Сама еще дитя, хоть няньку приставляй, – добродушно ворча, подала Тане стакан.

– Да, спя-я-т... – как-то странно протянула Таня. – Должны... Может, Василий что... – и замолчала, пресекая свою мысль, чтобы не излить ее до конца перед чужой, хотя и очень доброй женщиной, годившейся ей в мамы, а то и в бабушки.

– Что, плохой отец? – повернулась к Тане Полина Викторовна. – В отсутствие матери все папаши добреют. А как же? У них появляется ответственность за детей. Мой Петр вырастил троих. Я на ночное дежурство, он – к ребяташкам. Выросли парни. Лучше не надо. А твой?

– Мой?... – Тане не хотелось ворошить прошлое да и настоящее, глядевшее на нее из гра-неного стакана хмельными глазами, и ответила, чтобы прекратить неприятный для себя разговор:

– Мой тоже...

– Вот видишь. – Полина Викторовна взяла у Тани пустой стакан. – Иди спать. Как же, пришла беда – открывай ворота. Придумать все можно и настроение себе испортить, – шелестя бумажками, поучала Таню Полина Викторовна. – Не годится.

– Мне надо домой... Сейчас же... Отпустите. Или я убегу.

– Ты что, Татьяна? – сразу же посуровело лицо медсестры. Она сдвинула очки на лоб. – Отдыхать надо. Утро вечера мудренее и его надо дожидаться.

Словно послушный ребенок, Таня поднялась и, не сказав больше ни слова, пошла по длинному полутемному коридору, миновав свою палату.

– Таня, куда потопала? – услышала за спиной беспокойный голос Полины Викторовны. Подняла голову, осмотрелась и поспешно вернулась, направляясь к своей палате.

...Сергей в страхе метался во дворе в поисках какой-нибудь подставки, чтобы самому залезть в разбитое окно, откуда неслась отчаянный крик Василия. Двор был пуст.

«А ведь в дверь можно постучаться», – мгновенно сообразил и, обогнув угол дома, взлетел на ступеньки и кулаками забарабанил в мощную дубовую дверь.

– Вася! Открой! Это я... Открой же!

– Олежка-а-а!.. Танечка-а-а!.. – несло из кухни, раздирая душу. – Помогите хоть кто-нибудь-удь... Помогите-и-те-е-е...

Сергей бил в дверь уже ногами.

– Открой же, Вася! Быстрее! Это я...

Дверь распахнулась. Сергей увидел обезумевшего Василия. Он держал на руках безвольное красное тельце сына.

– В больницу!.. Скорее!.. – закричал он, натыкаясь на табуретки и прижимая Олежку к себе.

– Где одеяло? – Сергей опрометью забежал в спальню и вынес покрывало. – Искусственное дыхание надо делать. Клади его. Я умею. Давай сюда. Быстра-а-а!

– В больницу, га-а-д! Немедленно! – ревел и метался на кухне Василий. Он сорвал с вешалки куртку и накинул ее на плечи.

– Ребенка заверни... Я на улицу. Машину остановлю. А ты выходи...

Сергей выскочил во двор.

– Спасите сы-ы-на-а-а! – отчаянно рыдал Василий, заворачивая в покрывало мертвого Олежку. – О, спаси-и-те-е-е его, добрые люди-и-и...

Глава 3

Вздыхая и ворочаясь, Таня прогоняла от себя дотошные и навязчивые мысли, что копошились в голове, точно воронье на вспаханном поле.

«Что это я раскисла? Разве так можно? – пыталась избавиться от них и по-доброму завидовала соседкам, что тихо посапывали рядом. – Надо как-то отключиться...»

Вытянув ноги, заставила себя вернуться в свою прошлую жизнь, светлую и счастливую до знакомства с Василием и даже с ним вдвоем, пока он не пил, и тяжкую, с побоями и синяками, когда пристрастился к выпивке. Она была единственным ребенком в семье актеров. Помнит многие города, куда ездила с родителями на гастроли; помнит яркие букеты цветов в руках мамы-певицы и свое восторженное, наполненное радостными впечатлениями, детство. Всегда на ней были красивые платица, туфельки, в черных локонах – роскошные банты величиной с полголовы. И люди, люди, люди...

Десять классов закончила с золотой медалью и, влюбившись в двадцатичетырехлетнего Василия Петровича Мезенцева, своего учителя математики, вышла за него замуж. И потекли, словно поющие ручейки, счастливые дни, месяцы. Любил ее муж нежно и всесильно, гордился ею, молодой, неопытной, стыдливой: вот-вот слезы брызнут или краска прольется с зардевшихся, словно спелая вишня, щек; без устали говорил ей дивные слова о своей верной неиссякаемой любви. Она их восторженно принимала и купалась в своем счастье, как когда-то в глубоких водах Черного моря. Она верила мужу, ибо и сама любила его больше своей жизни: ее черно-бархатные глаза, прячась за густые темные ресницы, сияли, как две яркие звезды; он их целовал – и они сияли еще ярче. Два года пролетели, как два дуновения весеннего ветерка. А потом... А потом на ее глазах неожиданно все начало рушиться. Василий попал в водочные сети. Когда это началось? И почему водка пересилила его крепкий волевой характер и его любовь к ней? Ни ее руки, нежные и горячие, ни ее черные, как летняя ночь, глаза, ни страстные слова и молодое зовущее тело не смогли отнять его от водки. Потом она боролась уже не за свою и его любовь, а за обыкновенную жизнь, которая постепенно рушилась, разбиваясь о бутылки и стаканы, заполненные горьким зельем. И рождение дочери не вырвало его из омуты, в котором нежданно-негаданно стал тонуть. И даже сын не помог ему избавиться от алкоголя. А дальше что?..

Измученная нахлынувшими воспоминаниями, Таня протяжно всхлипнула и, стараясь, чтобы не скрипнула кровать, повернулась на левый бок. Стучало в висках, учащенно бился пульс.

«Наваждение какое-то, – сказала себе вслух. – Прилипло как банный лист.»

Поднялась, накинула халат и снова вышла в коридор.

– Не спится мне... – пожаловалась Полине Викторовне тихим голосом, и та, вскинув густые с проседью брови, наморщила высокий лоб: она искренне жалела эту молодую, чем-то встревоженную и, как ей показалось, обиженную женщину.

– Выпей снотворное. Вбила себе в голову чепуху на ночь глядя. Нельзя так. Тебе быстрее поправиться надо. Если будешь хандрить, хуже будет. Не выпишут еще неделю, – поучала Таню уставшая и сморенная возней с бумагами и борьбой со сном Полина Викторовна. – Болит что-то? Или к мужу захотела? Молодо-зелено... Сама такой была. И боль тогда – не боль и...

– Тише... Тише... – вдруг заволновалась Таня, схватив руку Полины Викторовны. – Кто-то внизу разговаривает. Какое-то волнение, беготня... Слышите?

– Мало кто-о-о, – совсем спокойно, не поднимая головы, ответила Полина Викторовна, шелестя листочками чьей-то истории болезни. – И ночью люди поступают. Это же больница. – Она разогнулась, вытянула уставшие и отекающие ноги. – Давай, Танечка, лучше чайку попьем. Он взбодрит и тебя и меня. Скоро полночь, а дождь полощет, как из ведра. Землю на метр

расквасил. – Она наклонилась, достала из тумбочки термос. – И ночь быстрее пройдет. А завтра твой благоверный придет. И детки твои с ним.

– Н-не-ет... – очень странно и совсем отрешенно прозвучал Танин голос. Не сказав Полине Викторовне больше ни слова, она встала и пошла по коридору, придерживая руку в гипсе, затем торопливо спустилась на первый этаж, где была приемная, и увидела своего соседа.

– Сережа... – окликнула упавшим голосом. – Почему ты здесь?

– А-а-а, Таня, – обернулся Сергей на ее голос. – Там... там Василий... – Он показал глазами на дверь. – Он... он... с Олежкой... – Увидев Талины глаза, замер, шагнул к ней, взял за руку, но она отчаянно дернулась и открыла дверь в приемную. Первые секунды ничего не видела, кроме спины мужа.

– В-вася... Что случилось?

Василий оглянулся, увидел жену и повалился ей в ноги.

– Таня... Танечка... – хватал он ее за колени. – Убей меня... Убей негодяя... Олежка вон... – и зарыдал, цепляясь за ее халат и сползая вниз.

– Что Олежка? Что? – Таня повела испуганными глазами и на кушетке увидела неподвижное тельце сына. Оттолкнув склонившегося над малышом врача, кинулась к нему и закричала.

У порога без движений лежал Василий.

Глава 4

Шли годы... И отлетали вдаль, словно птичьи стаи, весна за весной, осень за осенью; уходило в прошлое время, сотканное из радостей и печалей, теплых ветров, седых ливней и белых метелей. Взрослели дети, старели взрослые, и беспокойная жизнь, получая удары, раны и оставляя на своем теле шрамы, билась и билась о житейские преграды, как волны о прибрежные скалы, не находя выхода.

Через открытую дверь Катя видела отца. Согнувшись и охватив голову руками, он сидел за кухонным столом, заставленным грязной посудой, среди которой стояла бутылка водки, пустой граненый стакан, и, пуская слюну, что-то бормотал. Что? Катя не могла понять да и не хотела. Она знала лишь одно: отец пьян. В последние годы, похоронив свою жену, умершую в страданиях, он пил ежедневно. Перебиваясь поденными работами и пропивая последние гроши, он жил на краю своей гибели.

Прошло почти тринадцать лет с тех пор, когда по его вине в закипающей воде скончался ее братик Олежка, и больше семи лет, как не стало мамы, не вынесшей постигшего ее горя. Она долго болела, чахла, горюя по сыну и страдая от пьяного мужа, устраивающего дома постоянные скандалы и погромы. Он бил стекла, посуду, а когда Таня с дочкой убегали к соседям, звал Олежку; ночью жутко стонал, скрипя зубами, проклинал себя и свою непутевую жизнь, а потом, под утро, засыпал, где попало, и во сне снова выкрикивал имя сына. А на завтра вставал перед женой на колени, бил себя в грудь, божился, что отныне начнет другую, трезвую, жизнь, если она простит его. Она не могла ему простить ни смерти сына, ни своего унижения и, люто ненавидя мужа всем сердцем и разумом, уходила в кладовку и давала волю слезам. Там и умерла, не сказав ни слова ни мужу, ни дочери. Никто не видел ее мучительных последних часов. Катя в то время была в школе. Помнит, как бежала домой без портфеля и без пальто, хотя на улице было довольно прохладно, и кричала. Ворвалась в комнату: мама лежала на кровати, точно подросток, худенькая и маленькая, спокойная и уже безучастная ко всему, а у ее ног стоял на коленях отец. Были и другие люди, но Катя никого не видела – упала на грудь мамы и забилась в судорожных рыданиях.

И началась ее подростковая трудная жизнь. И готовила сама, как учила мама, и убирала квартиру, и стирала, зная, что кроме нее, никто этого не сделает, и училась в школе. Недельно-другую отец не пил, ни с кем не разговаривал, а потом начался запой. Вот и сегодня...

Оторвав глаза от книги, Катя снова взглянула в сторону отца: небритый, грязный, опустившийся, он вызывал у нее ненависть. И все же она заставляла себя ухаживать за ним и отчаянно просила его бросить пить и полечиться. Отец был неумолим. Утром, не завтракая, выкуривал несколько дешевых сигарет и уходил на работу. Из школы его давно выгнали, и теперь он разгружал в продовольственном магазине товары, проливая сто потов; в короткие минуты отдыха жевал хлеб, печенье, запивал водой, а вечером возвращался домой, одним махом выпивал стакан водки и проливал уже слезы. Катя, не выбирая слов, ругала его, грозила бросить все и уйти в общежитие, где ей предлагали место. Она знала: плачет не отец, а водка, и нелюбовь к нему усиливалась. Много раз пыталась бороться с этим чувством, убеждая себя, что этот спившийся человек – все-таки ее отец, что он теперь болен и ему нужна помощь и особая забота. Знала, но не могла найти в своей очерствевшей и огрубевшей душе сострадание к нему. Она уже училась на втором курсе ПТУ, осваивая профессию швеи.

– Ка-а-тька-а! – позвал Василий Петрович, стараясь удержаться на старой табуретке. – Иди сюда, стерва.

– Сам такой. Метки негде ставить.

– Побью. Слышь?

– А я сдачу дам.

– Что сказал?

– И я сказала. – Катя прикрыла лицо книгой, сжав до боли зубы, чтобы не вырвались более хлесткие слова. – Что надо?

Василий Петрович стукнул по столу кулаком и зашипел:

– Овца бесхвостая... Ну-у-у! Зову же...

Отложив книгу, Катя запахнула на груди халат и неторопливо вышла на кухню. Отец поднял лохматую голову, повел мутными глазами:

– А-а-а... Ты уже здесь? Ла-адно... – Он пытался повернуться к дочери, но локоть соскальзывал со стола, и он каждый раз клевал носом. – Мне... мне стакан...

– Не стакан, а плеть. Иди спать, пьянчуга!

– Посиди со мной, Катька, – вдруг обмяк Василий Петрович и протянул к ней руку. – Плохо мне... Ох, как плохо! Душа болит... Вот здесь, вот... – Он дотронулся рукой к груди. На его посиневших губах пузырилась слюна, а на одутловатом лице проросла густая щетина; в глазах – боль и безысходное отчаяние. – Сядь, дочка. Помоги мне выжить. Ну, помоги! Погибаю ведь... Не видишь, что ли?... Погляди на меня!

– Сам виноват. Посмотри на себя. Опустился до последней черты. Смотреть противно... – Катя все же присела на стул. Не собираясь долго выслушивать отцовские бредни, взяла со стола бутылку, чтобы вылить остаток водки в раковину, как делала не раз, но ее остановил осатанелый окрик:

– Не трожь, стерва! – Василий Петрович выхватил из рук дочери бутылку, поставил снова возле себя, намертво облапав ее длинными худыми пальцами. – Не трожь! Не твоя. Руки обломаю. Я... Мне теплее с ней. Мать вспоминаю... Таньку... – Скривив губы, он пустил слюну, засопел и закачался, словно маятник. – Что же она оставила нас? Тебя вот... Лучше бы я в могилу вместо нее... Между прочим, дочь, между прочим, я любил ее... Всегда... И сейчас тоже люблю...

– А почему же скандалил каждый день? – Катя в упор посмотрела на небритого осунувшегося отца. – Почему дрался? Фонари под глазами ставил? Гонял нас летом и зимой. И загнал маму в могилу. Сам бы туда...

– Я...я не гонял ее, Катька, – еле ворочал языком Василий Петрович. – Хотел с ней... ну, с Танькой, объясниться, а она мне в морду... в морду... и убегала... – А я за ней следом... По любви я... – Он с трудом поднял голову и посмотрел на дочь: – Давай выпьем, а-а-а?

– Ты что, рехнулся или у тебя не все дома? – напряглась Катя. – Хватит того, что ты в детстве подсовывал мне это проклятое зелье. Пробовала его и в пять лет, и в десять. По твоей вине я вот такая: нервная, грубая, невоспитанная. А ты еще предлагаешь выпить. Разве ты отец?

– Оно какось лучше с ним... с ней... – Василий Петрович налил в стакан немного водки и придвинул к дочери: – Выпей. Полегчает... И не ругайся. Ты же девочка. Ты моя дочка-а-а. Нельзя-я-я!

Катя сидела неподвижно. Она устала от бесконечных нетрезвых излияний отца, от его слез и требований не лишать его рюмки; устала уговаривать его остепениться и не пить; сама стала дерзкой и неуправляемой, злой и колючей, не видя впереди выхода из ее непутевой жизни. Она сидела, не шевелясь, а напротив нее безвольно обвис отец: серое измученное лицо, густая львиная копна давно не стриженных и не мытых волос, острый синюшного цвета нос, слюнявые вывернутые губы. Она могла бы вызвать милицию, чтобы его забрали и наказали, но ведь не чужой он ей? Когда-то был умным и красивым, хорошим математиком, а сейчас? Что делает с людьми водка?

Катя понимала, что должна помочь отцу подняться, раздеть его и уложить на диван, как это делала не один раз до этого, но не могла. С брезгливостью слушала пробивающийся откуда-то, будто издалека, ненавистный голос отца, ставшего ей чужим, смотрела на него, слюнявого

и безвольного, заросшего рыжей щетиной, на грязные пальцы, так и не отпустившие бутылку с водкой, многие царапины на них, запекшуюся кровь, обломанные корявые ногти, и ей был совсем безразличен этот опустившийся человек. Она каждый день не из-за любви к нему, а по долгу дочери заставляла его мыться и надевать чистую рубашку, но в ответ он кривил губы, отмахивался, мол, у него теперь такая должность, что и в этой хорошо. Уходил на работу утром, шаркая стоптанными башмаками – новые он обувал лишь на кладбище, когда ходил на могилки жены и сына.

– Танька-а-а! Слышь, Танька? – Василий Петрович поднял голову, не соображая, где он. – Что молчишь? Олечка кушать хочет. Плачет... Гляди: ручки тянет... О, рученьки красные... О, маленькие ладошки...

– Хватит! – отчаянно крикнула Катя. – Надоели твои бредни! – Она порывисто встала и ушла в спальню. Не снимая халат, легла на кровать и зажала уши пальцами: отец все еще плакал и звал сынишку.

Как жить дальше? Что делать? Измучилась, исстрадалась, а выхода не видно. Засосет трясина, унесет омут и где-то выбросит на свалку. А тогда что? Может, попроситься в общежитие? Не откажут: многие там знают о ее трудной жизни. Девочки взяли бы к себе в комнату. Да и мастер Галина Михайловна не раз уже предлагала перейти к Зине и Наташе. Ей, конечно же, там будет лучше, а отец? Как его бросить в таком состоянии? Кто ему приготовит, постирает? Кто будет бороться за него до самого последнего шанса, пока он еще есть? Оставить его – значит, совершить преступление. Она этого не сделает. Не сможет...

На кухне загремела опрокинутая табуретка – и в дверях показался отец.

– К-катька... Дочь моя... – Заплетая ногами, он шел к ней. – Не гони меня. Я так одинок... – Он присел на кровать рядом с дочерью.

– Иди отсюда! – Сдерживая свой гнев, сказала Катя и толкнула отца. – От тебя самогоном прет.

Пытаясь снять с рубашки торчавшие от оборванной пуговицы нитки, Василий Петрович пыхтел, тыкал пальцами то выше, то ниже и, казалось, напрочь забыл о дочери.

– И не п-поймаешь... А на-а-да... Шевелятся точно черви... – бормотал себе под нос. – Э-тэ-тэ! Как прыгают... – Наконец, нащупал бело-грязный узелок и дернул.

– Уйди отсюда! – сузила глаза Катя. – Надоел хуже горькой редьки. Мне заниматься надо.

– Не гони меня, Катька. – Василий Петрович смотрел на дочь и не видел ее. – Не имеешь этого... права... Я кормлю тебя... Жрешь, жрешь, а еще хвост задираешь...

– Уйди-и-и! – закричала Катя, сжав голову руками. – Или я уйду. Надоели твои упреки. За хлеб и картошку я верну тебе деньги, как только стану работать. До рубля, до копейки.

– Н-не-е-е! – заупрямился Василий Петрович. – Мне сейчас нужны деньги... Дармоедка-а-а... Шлю-ю-ха-а...

Катя дернулась.

– Не смей меня так называть! Кроме училища, я нигде не бываю. Я раздета и раззута. Я нищая... Ты все деньги пропиваешь... Взгляни на мой халат: заплатка на заплате, дырка на дырке... – Она задела пальцем одну из них, дернула, разорвав полу халата снизу доверху. – Что я ношу? Обноски, хламье... Да и не каждый день в доме есть хлеб.

Василий Петрович качнулся, широко расставив ноги.

– Тебе ф-фигу, а не хлеб... На-на-на! – и поднес к ее лицу комбинацию из трех пальцев. – На-а-а выкуси, голопузая!..

Собрав все силы, Катя вновь толкнула отца, и он, стягивая одеяло и отчаянно матерясь, сполз на пол, а она, запахнув разорванный халат, соскочила с кровати. Перешагнув через отца, вышла на кухню, под села к столу, пошарила вокруг глазами и наткнулась на бутылку. Схватила ее, добежала до раковины и со злостью ударила о ее край. Осколки разлетелись во все стороны. Остро запахло самогоном.

– Что же это творится? – отчаянно воскликнула Катя и сжала, негодуя, зубы. – Как быть? – Дрожа и всхлипывая, подошла к окну и упала головой на подоконник, сотрясаясь от рыданий.

«Мамочка-а-а! Встань и посмотри на меня. На кого я похожа? Зачем родила и оставила меня одну? Что я видела в жизни? Водку и брань... До сих пор в ушах крик Олежки в закипающей воде да пьяные бредни отца. Забери меня к себе, мамочка, забери... Что завтра меня ждет? У кого искать помощи? Кому я нужна? Отец пьет и попрекает меня куском хлеба. Возьми меня к себе, мамочка, возьми... Я так не могу жить... Я кушать хочу... Почти каждый день голодаю...»

Еще долго рыдала Катя, а в спальне, ползая по полу, плакал и звал Татьяну отец.

Глава 5

Густой темно-синий туман на ощупь пробирался через горы и доли, сквозь леса и рощи, через сонные, то вздыхающие, то всхлипывающие реки, что несли свои воды, мелкие и глубокие, чистые и мутные, в русла своих старших сестриц, а те в свою очередь – в озера, моря и океаны, преодолевая на своем пути многие и многие километры истощенной земли.

Рассвет был мрачным. Разгоняя ночной мир, он долго шел к людям оттуда, где в муках был рожден. Пора бы появиться солнцу, но его не было: там, у самой кромки земли, подминая друг друга, собирались черные, точно стаи грачей, лохматые тучи, закрывая собой весь горизонт. Из-за них пыталось выбраться солнце, да не было у него сил сходу разогнать эту темную клубящуюся массу. Наконец, рванувшись, оно ярко сверкнуло и начало медленно взбираться на голубой простор неба, а затем, радуясь и искрясь, заглянуло в окно, обласкав озябшее Катино тело. Облокотившись на подоконник, она крепко спала.

Василий Петрович стоял в дверном проеме и курил папиросу. Он с трудом вспоминал, что натворил вчера, и хотел было разбудить дочь, стать перед ней на колени и вымаливать прощение, но не мог сдвинуться с места. Грыз папиросу, глотал едкий дым и в который раз проклинал себя и свою жизнь-злодейку. Это она, водка, делает человека скотом и лишает его силы и разума; это она приносит людям несчастья и страдания. Сгорбившись, зашел в спальню, взял с кровати покрывало, неслышно подошел к дочери и прикрыл ее. Затем сел за стол, долго разглядывал пустой стакан и мысленно вернулся в то далекое, как ему казалось, время, когда он, Василий, был любим Таней и когда он, Василий Петрович, был уважаемым человеком, мыслящим математиком и примером для других. Рванул, словно освобождаясь от цепей, желая схватить бутылку и разбить ее вдребезги. На столе ее не было. Смутно, точно во сне, помнил, как вчера пил и плакал, звал сына и жену, оскорблял дочь. Скрипнув зубами, достал из кармана куртки записную книжку, вырвал чистый листик и поспешно написал: «Прости, дочь, если можешь». Подошел к окну и положил записку у ее руки.

Катя проснулась, когда отец закрывал ключом дверь. Подняла голову, огляделась и вспомнила, что произошло вчера. Нет, она не простит отца! Больше того, сейчас же уйдет из дома, чтобы никогда больше в него не вернуться. Вот только оденется, соберет свою одежду и покинет родной уголок, где родилась и где познала столько горя. Мастер Галина Михайловна выделит ей какой-нибудь закуток, где можно будет заниматься и спать, или же разрешит поселиться в одной комнате с Зиной и Наташей. Уйдет она к чужим людям и будет жить сиротой при живом отце.

Есть родственники, но они живут бедно и далеко.

Движением плеч сбросила с себя покрывало, потянулась и увидела листочек. Не притрагиваясь к нему руками, словно он источал яд, прочитала неровную строку и отвернулась.

– Пьянчужка! Будь ты проклят! – не то подумала, не то произнесла вслух и, чтобы отвязаться от слов, которые только что прочитала, с силой дунула на белый клочок бумажки, и он улетел за тумбочку. Перешагнув через покрывало, зашла в комнату, распахнула дверцы шкафа и стала одеваться. Серое платье с вязаным воротником и манжетами было маловато, и все же она одела именно его. Достала чемодан, вытряхнула из него на пол отцовские шмотки и сложила свои.

Затем накинула на плечи выгоревшую и выдавшую виды сиреневую кофточку. За зимними вещами решила не приходить: как будет, так и будет. До зимы еще дожить надо.

Катя плотно прикрыла за собой дверь, повернула в замке ключ и вышла во двор.

На улице было прохладно. Серые космы туч, клубясь, уходили на запад, а там, на востоке, всплывало солнце. Еще горела у подъезда одинокая лампочка, и Катя вернулась в коридор и нажала на выключатель. Спустилась по ступенькам, пересекла двор и тихо прикрыла калитку.

Улица была пока пустынной. Сбавив шаги, вдруг оглянулась, нашла глазами свое окно, выходящее во двор, и что-то зашептала, шевеля воспаленными губами: прощалась ли с ним, проклинала ли – кто знает?

Глава 6

Уже три недели жила Катя в общежитии ПТУ. В первые дни была замкнута, отвечала на вопросы подруг и учителей односложно, вечерами никуда не выходила. Все знали, что ее мама умерла, а отец выпивает, и искренне жалели молодую девушку. Подруги предлагали ей свои платья, обувь, приглашали в кино, на танцы, но Катя благодарно от всего отказывалась. В отсутствие Зины и Наташи убирала уютную комнатку, мыла окна, двери, пол. Затем садилась за учебники. Ей нравилась тишина: никто не кричит, не ругается и не попрекает ее за кусок хлеба. С удовольствием слушала по радио музыку, к которой тянулась с самого детства, и на время забывала обо всем на свете: и о том, что сама голодная и раздетая, что живет на подачках подруг и учителей, что бросила отца на произвол судьбы, и кто знает, что с ним в эти минуты; что ночами плачет в подушку и зовет мать. Ей казалось, что она становится от музыки взрослее и добрее и готова помочь всякому, кто в этом нуждается. Набежали слезы, когда пели и плакали скрипки, и она хотела, чтобы, музыка не прекращалась.

Мысленно уносилась в свое детство, когда еще была жива мама. Она-то и приучила ее любить музыку, в основном, симфоническую, и эта любовь с годами усиливалась. А когда затихали многочисленные инструменты, создававшие настоящее волшебство, какое-то время не двигалась, не желая возвращаться в свою неустроенную жизнь, серую и унылую, но эта жизнь была неотъемлема от нее, и она с жалостью входила в нее, вздыхая и проклиная свою непутевую судьбу. Об отце старалась не думать. И все же изредка приходила в голову тревожная мысль: как он там один? Пересилит ли себя, откажется ли от выпивки, потеряв из-за нее сынишку, потом жену, а теперь и ее, единственную дочь? Гнала от себя тяжелые воспоминания, боялась их, но все чаще ловила себя на том, что переживает за отца. Были такие минуты, когда хотелось забежать в свой родной дом, спрятавшийся в старом яблоневом саду на окраине города, где жил он, одинокий и несчастный, поднять его, погибающего в водочном угаре, уложить в постель, чтобы он не спал на столе или на полу, но сердце, вспомнив прошлое, начинало протестовать: нет, не отец ей тот пьяный, небритый, постаревший мужчина, который попрекал ее куском хлеба и обзывал дармоедкой и шлюхой.

– Ах, Катюша! – щебетала ей поздно вечером Зина, вернувшись с Наташей с танцев. – Так весело было! Музыка, вино, парни... Ах-ах-ах! – и поднимала тонко выщипанные брови.

– Кто весел, а кто нос повесил. – Наташа посмотрела на Катю: – Напрасно не пошла с нами. Годы-то шлепают по лужам да все мимо и мимо. Потом не догонишь.

– Ну и что? – сдвинула плечами Катя. – Мне тишина по душе. Да и подтянуть учебу надо. Тройки и даже двойки пошли.

– Всему, чудик, свое времечко, – неопределенно высказалась Наташа. – Сердцу ведь не перекроешь кислород.

– Днем – учеба, вечером – кх... горячая любовь, – поддержала ее Зина. – А любовь – не картошка.

Наблюдая за возбужденными подругами, Катя грустно улыбнулась.

– Вы, девчонки, треплетесь, точно расстроенные балалайки.

– Ну ты, брось! – дернула расческой взбитые кудри Зина и ойкнула. – Сама-то ты заплесневела. Мхом скоро покроешься.

– Дольше сохраняюсь. Зато вы разбазариваете себя: вчера были одни парни, сегодня – другие. А вы все хохочете.

– А тебе-то что? – нахмурила брови Наташа. – Сама не гам и другому не дам. Вот послушай. Спросила как-то соседка подругу: «Курица-наседка, что яйца насиживаешь?» «Пытаюсь...» «Но цыплят без петухов не бывает». «Разве?»

– Хи-хи! – брызнула смехом Зина, прикрыв рот ладошкой, и тут же погасила его: – Рви мысли, девы! Надоел звон с ваших окон! – и, наклонившись к Кате, зашептала: – Парни были модненькие, шустренькие, в карман за словом не лезут.

– А от них сивухой не тянуло? – спросила Катя. – Она развязывает не только языки, но и многое другое.

– Само-собой! – снова хохотнула Зина. – Там почти все такие: дерьмо с дерьмом в паре и рядом опять оно. Хапают ручищами... – И вдруг напустилась на Катю: – Чего разлеглась, как дома? Подвинь корму!

Освобождая Зине место на кровати, Катя придвинулась к стенке, отметив про себя, что Зина и Наташа грубы и в выборе друзей не разборчивы, и ей надо иметь это ввиду.

– И вы радуетесь этому? – спросила, не поворачивая головы. – Если в таком возрасте употребляют водку, то что же будет через пять лет, десять? При градусах оскорбить девчонку проще.

– Получат сдачи точно такого же содержания, а то и ярче, – сверкнула зелеными глазами Наташа. – И у нас язык не заржавеет.

– Оно и видно, – вздохнула Катя. – А мне, девочки, нужен покой, хотя бы первое время. Сделайте одолжение. Хочу отдышаться от всего, что было. – Она повернулась к стенке, закрыла глаза, требуя от себя спокойствия: «Куда попала? Развязные девицы: ни скромности, ни культуры. Словом, хамки...» «А ты лучше них?» – спросил изнутри чей-то голос, и Катя согласилась с ним. Резко повернувшись на кровати, неожиданно прикрикнула: – Хватит базарить! Тушите свет!

– Шпана, не командуй! Приняли тебя на свою жилплощадь, вот и сопи в две дырочки и не высовывайся.

Катя притихла. Сжимая и разжимая пальцы рук, старалась от неприятного разговора отвлечься и успокоиться.

– Катька. А мы их пригласили к себе, – вдруг доверительно шепнула Зина. – Двоих. Завтра будут.

– Кого их? – подняла голову Катя и, не получив ответа, повысила голос:

– Кого их? Кого?

– Ну, парней. Познакомились с одними...

– А, может, уже с пятыми? Какая-нибудь посредственность, а то и того хуже, а вы, дуры, уже сегодня радуетесь. Как не стыдно!

– У нас стыда, что волос на камне, – в который раз хихикнула Зина.

– Сейчас бы... Э-э-эх! – и вздохнула: – Два раза, девоньки, молоду не быть.

– Бесстыжих глаз и дым не ест. Ни ума, ни скромности.

– А ты? Ты-то сама кто? – повысила голос Наташа. – Ни спереди, ни сзади. Да и на птичьих правах. Заткнулась бы лучше.

Наступило неловкое молчание.

– Дайте закурить, – через некоторое время попросила Катя, попробовав первую папиросу здесь же, в этой прокуренной комнате. – Тошно от вас...

И курили они, и дерзили друг другу, то сталкиваясь в споре, то безудержно хохоча.

Неумело затягиваясь сигаретой, Катя глотала дым, надрывно кашляла и, ненавидя все, что ее окружало, напрочь убивала в себе появившуюся было искру протеста против неудавшейся жизни, против словоохотливых и несерьезных подружек. Горечь не убавлялась. Выхода из тупика, казалось, не было. И решила она просить у Галины Михайловны помощи и защиты.

А на следующий день вечером впервые увидела Валеру и Эдика, которых пригласили подруги. Модные, наглые, они курили дорогие сигареты и сыпали пошлыми шутками.

Зина и Наташа, похохатывая, отвечали такими же подсоленными словами, и велся пустой, никому не нужный разговор; молодые люди убивали время. Катя мрачнела и помалки-

вала. В это время ей очень хотелось уйти отсюда, куда глаза глядят, чтобы поскорее удалиться от трясины, перед которой стояла, но, подавив вспыхнувшее было желание, внимательно разглядывала парней и слушала их болтовню. «И я с такими в одной упряжке и качусь вниз по наклонной, – упрекала себя, и ей было страшно. – Надо что-то делать, искать выход. Какой он? Где он?»

Вскоре Эдик вытащил из дипломата бутылку водки. Приличной закуски не было. Горкой лежало дешевое печенье и несколько мелких орехов. Вместе со всеми выпила рюмку спиртного и Катя. Где-то там, внутри, стало понемногу теплеть, в ушах зашумело, и ей вдруг захотелось плакать. А еще появилось желание посетить могилки мамы и братика. Она не часто ходила на кладбище – выбиралась лишь тогда, когда было невмоготу. Сегодня как раз был тот день и тот час. Ей непременно надо рассказать маме о своей горькой жизни, о том, что не всегда у нее есть хлеб и молоко, что порвались туфли и не за что купить новые, что не видит ни одного светлого дня, что опускается в трясину все глубже и глубже. Но вопреки своему желанию осталась здесь и не показала перед соседями, что развлекались рядом с ней, ни одной слезы, ни одного вздоха. Дернула головой, вышла из-за стола и повела плечами.

– А теперь танцевать! Кто смел? Выходи!

Зная, что никакой музыки не будет, начала лихо отплясывать цыганочку, подпевая себе. Начальные медленные и плавные движения постепенно переходили в быстрые; вот уже перестук каблучков сливается в ритме с движениями гибких, как ветки лозы, ее рук, и Катя, разругавшись, прошла мимо парней и девчат, умело двигая плечами.

«Ох и девка! – подумал Эдик, ощупывая бегающими глазками стройную фигуру темно-волосой девушки. – Не грех бы закинуть удочку. С такой не состаришься».

– Что уставился, будто кот на мышку? – заметив горящие глаза прилизанного парня, спросила Зина. – Не по твоим зубам. Это точно!

– Хм-м! Все вы по моим! – уверенно ответил Эдик и выпятил тощую грудь, обтянутую сплошными карманами и молниями красной рубашки. – Лишь захочу... От слов до дела у меня – один шаг. Р-раз – и я на коне, вернее, на...

– Ну ты, полегче! – оборвала его Зина. – Сбавь обороты!

– А, может, ты прикроешь свой сто раз целованный ротик? – Валера скривил пунцовые губы и со свистом выдохнул: – Фу-у-у! Радоваться надо, что мы навестили золушек в этой хибаре с разбитым корытом. Ха-ха-ха! Верно, Эд?

– И... и... – подыскивал нужные слова, чтобы нахамить, Эдик, – этих русалочек с потертыми хвостами.

– Заморыши, заткнитесь! – резко притормозила возле стола Катя. – Хватит упражняться в хамстве! – Опрокинув стул, она подошла к двери, приглашая парней к выходу: – Топайте отсюда, пока вас дрянной метлой не вывели. Отзвонили – и долой с колокольни!

– Это, по-твоему, колокольня? – захлебнулся смехом Валера, разглядывая маленькую мрачную комнатку. – Это же забегаловка! Нет, это... это ночлежка.

– И... лошадки, – добавил Эдик, кидая наглые взгляды на Зину и Наташу. – На двух, серых и послушных, и кнута не надо, а вот на чернявенькую – уздечка нужна, крепкая, с острыми шипами.

– Вон отсюда, пошляки! – негодуя, потребовала Катя. – И обходите этот дом стороной, чтобы на вас из окна я не вылила помой. От свиней визгу много, а шерсти никакой.

Парни ушли, заливаясь на лестнице хохотом.

– Ну что, девочки? – после некоторого молчания спросила Катя, подавляя в себе горечь от проведенного вечера. – Модненькие, шустренькие, за словом в карман не лезут... Эх вы, вертихвостки! Получили по заслугам? К этому вы и стремились.

Девушки молчали.

– Высказывайтесь, высказывайтесь! – требовала Катя, и в ней шевельнулась глухая тоска: вот и услышала на себя характеристику. Докатила... И впервые познала стыд. Пытаясь избавиться от него, напирала на подруг: – Почему молчите? Язык устал, что ли? У вас же он бежит впереди ног. Нет бы попридержать его...

Теребя рукав ситцевого платья, Зина кривила ярко накрашенные губы, прятала под накрашенные в избытке ресницы потухшие глаза.

– Язык за веревку не привяжешь. Да и булавкой не приколешь, вот и болтается, – миролюбиво ответила Наташа, чувствуя свою вину перед подругой. – Ну что теперь? Давайте лучше допьем, что осталось. Станет веселее... Разрешаешь? – и повернула голову к расстроенной Кате.

– Валяйте! – думая о своем, ответила Катя, удерживая под ресницами слезы. – Отмывайте свои грехи.

Пока Наташа разливала по рюмкам оставшуюся водку, Катя следила за ней и в душе протестовала: всю свою жизнь, сколько помнит, жила рядом с пьяницей-отцом, слышала его окрики, мат, видела в слезах и синяках несчастную мать. С самого детства ее неокрепшая решимость и хрупкая воля что-то изменить разбивались, как о темную неприступную скалу, о граненые стаканы, наполненные спиртным. И вновь это зелье и скользкие ступеньки вниз...

– Эх, была-не была! – Зина поморщилась, выдохнула из себя воздух и поднесла рюмку к губам. – Не пропадать же добру. Верно?

Катя выпить отказалась.

– Ну и мразь! – передернулась, жуя печенье. – Ну и сволочь!

Нельзя было понять, кому она адресовала эти слова: водке ли, своему отцу или непутевым парням – и девушки ждали, что же она скажет еще.

– И где вы их откопали? – спросила, и они поняли, о ком идет речь. – Ну и ну!

Размышляя о том, как ублажить Катю, Зина придвинулась к ней поближе и обняла за худенькие плечи.

– Это, Каташа, современная молодежь. Не вся, конечно, но большая ее часть. Работать – руки не с того места выросли, зато язык, что помело, и в рот не лезет. Тьфу-у-у!

– Дело не только в языке, – помрачнела Катя. – У них в голове – пустота. Причем, навсегда! Так и будут жить, рассыпая вокруг себя пошлятину, от которой и мухи дохнут.

Наташа собрала со стола рюмки, пустую бутылку, протерла влажным полотенцем клеенку и повернулась к поникшей Кате:

– Успокоилась, да? Или еще будешь митинговать в пользу бедных?

– Нет, не буду, – с грустью и какой-то недосказанностью промолвила Катя, решив для себя высказать все, что наболело, в другой, более подходящий день. – Уму непостижимо! – воскликнула вроде для себя одной. – Одним словом, девичий стыд. А дальше что? Что дальше?

– Если бы знать все заранее. Если бы!.. На лбу ведь не написано, кто есть кто. – Наташа, как и Катя, была подавлена.

– Делайте для себя выводы. Для меня лично – это наглядный урок, что обозначает: гляди в оба да не плошай. Пропади все пропадом! Гори синим огнем! Сгинь сегодняшний день!

А через несколько минут они уже пели. Склонившись друг к другу и гася слезы, взволнованными голосами тревожили тишину поздней ночи, и гуляла песня по комнате, то натываясь на стены, то отталкиваясь от потолка, чтобы ослабнуть у открытой форточки.

– Спойте о маме, – вдруг попросила Катя, посуровев лицом.

– Я лучше прочитаю тебе стих. Сжав голову руками, Катя молчала.

Тревожно зазвучал Наташин голос:

Слышишь, мама? Тучи снова в споре:

Ты ушла – и солнце за тобой.

Домик наш завесил окна горем
И застыл печальной судьбой.

А, бывало, я к нему спешила
И несла ошибки и вопрос.
Ты, как врач, всю боль мою лечила,
Отнимала бережно от слез.

Зина отчаянно замахала руками, но Наташа продолжала, понизив голос:

Говорила: вдруг крыло поранишь,
Торопись в свой домик – помогу:
Я пришла, но ты уже не встанешь...
Я разбилась... Крылья на лугу.

Мама, мама! Гора я не прячу:
Ты мне больше не откроешь дверь.
Много ран, глубоких и горячих,
Но нести их некому теперь...

Уронив голову на стол, Катя безутешно рыдала.

Глава 7

Отлетел куда-то на запад еще один осенний день со стайками белесых облаков, с последними лучами заходящего солнца. Высыпали на темно-синий бархат неба яркие звезды и, казалось, наступила самая благодатная пора для влюбленных.

Катя с разрешения Галины Михайловны сидела за швейной машинкой в большой комнате на втором этаже училища и шила Наташе платье. Перестук иголки успокаивающе действовал на неуравновешенное состояние ее души. Скроив платье по собственному чертежу и получив одобрение подруги, старалась выполнить заказ наилучшим образом: пусть Наташа порадуетсЯ обновой. Швы ложились на серый ситчик с белыми чайками ровно и красиво – эту специальность Катя приобрела за время учебы в ПТУ. Она любовалась своей работой. Теперь ей не страшно: деньги зарабатывать сможет сама. У зеркала примеряла платье на себя и втайне была довольна и платьем и собой: точеная фигурка, покатые плечи, большие, изумленно распахнутые глаза, словно они чему-то удивлялись; короткая стрижка с челкой на лбу и сама вся настороженная, в каком-то непонятном порыве, чего раньше никогда не испытывала: не знала зеркала, не любила косметики; сейчас же – совершенно другая, готовая вот-вот вырваться из серой атмосферы в иной мир, требовательный, чистый, высокий. Может, и вправду так будет!

Осторожно, чтобы не порвать наметанные нитки, Катя сняла платье и снова села за работу. Машинка строчила тихо, радуя ее. Завтра она отдаст Наташе готовую вещь и получит семь рублей. За эти деньги купит себе общие тетради для чертежей и нитки. А еще мороженое и плавки.

В общежитие возвращалась поздно. Шла по тихому безлюдному переулку и мечтала. О чем? О завтрашнем дне, о покупках, а еще о пломбировке, вкус которого уже забыла. Вдали, на столбе, тускло горела одинокая лампочка. На углу – большой куст сирени, за ним – поворот и – общежитие. И сегодня не придется выспаться, думала Катя, прикидывая в уме, что уже, наверное, первый час ночи. Девочки давно спят, а ей надо трудиться, чтобы иметь хоть какие-то гроши.

Неожиданно услышала отдаленные шаги. Подняла глаза, всмотрелась: ей навстречу шли двое. Беспокойно оглянулась: переулок был совершенно пустынным – ни пешеходов, ни машин; она одна и те, что торопливо приближались к ней. «Кто они? – тревожно шевельнулась мысль. – Уже поздно... И никого рядом... – Рванувшись вверх-вниз, беспокойно застучало сердце: – Где же второй? Было же два парня. Сама видела.»

Один из юношей, проходя мимо, окинул Катю взглядом с головы до ног.

«Во, дурочка! – прислушиваясь к удаляющимся за спиной шагам, подумала она. – Парень хочет познакомиться со мной, а я... Ишь, как зыркал! Но куда, девался второй? Что за ерунда?»

Волнуясь и взвешивая создавшуюся ночную обстановку, спешила к повороту: оттуда совсем близко к общежитию. Еще немного пройти и...

Катя замерла: она явно слышала, что юноша вернулся и поспешно догоняет ее. Торопливые его шаги отчетливо отдавались в ночной тишине переулочка и нагоняли на нее страх. Она ускорила бег – и тут же ускорились шаги за ее спиной. Вот-вот ее схватят чужие руки! Катя похолодела и лишь поравнялась со столбом, на котором тускло горела лампочка, как из-за куста сирени вышел второй юноша и преградил ей дорогу.

– Давай, шалава, деньги! – грозно потребовал и вырвал из ее рук портфель. – И не пикни, не то... – Он показал нож: – Вот, что будет...

– Вы что? – испуганно произнесла Катя. – Нет у меня денег. Я учащаяся.

– Не учащаяся, а буфетчица. Мешок с деньгами, – шипел рядом второй, догнавший ее. – Открывай!

Сверкнувший под лампочкой нож привел Катю в ужас. Кричать? Ее крик могут прервать тут же.

Портфель был вскрыт – и на тротуар вывалились тетради, тапочки и новое, сшитое за три долгих вечера ситцевое платье. Руки хулигана шарили в глубине портфеля.

– Во-о-о, с-сука. Говорила, что денег нет, – пьяно прохрипел один из налетчиков, вытащив из бокового кармашка три рубля. – Еще давай, пигалица! – и полез к ее груди. – Фу, тут не за что взяться... Свистулька! Доходяга! Пошли...

Оцепенев от негодования и страха, Катя не могла сделать ни одного движения. Лишь потом, когда стихли шаги наглецов в конце переулка, наклонилась и собрала разбросанные вещи. На плечо повесила платье.

В таком виде зашла в подъезд общежития, поднялась на третий этаж и постучала в дверь своей комнаты.

Ей открыла Зина и ахнула: – Что с тобой, Катенька? На тебе лица нет... И что за маскарад?

– Сейчас на меня напали подонки, – бросив платье на стул, ответила Катя. – Подумали, что я буфетчица и несу в портфеле кучу денег. Ножом угрожали.

С кровати вскочила Наташа.

– Вот негодяи! Вот подлецы! В милицию надо заявить. – В ночной сорочке она суежилась возле подруги. – Нашли кого грабить! Руки бы обрубить... Я тебе чайку согрею.

– Не надо. Устала я. Отдыхать буду.

– Уже второй час ночи.

– Знаю.

– Завтра зачет.

– И это знаю, – устало ответила Катя. – Я шила платье и готовилась к нему. Все прокручивала в голове. Да и по дороге... Эх, жизнь! – вздохнула со всхлипом. – Последнюю трешку забрали. Опять занимать надо.

Через несколько минут она уже лежала в постели. В окно светила яркая крутобокая луна. Ее лучи падали на вешалку, и Катя видела два новых платья подружек и свое, короткое и изрядно поношенное.

«Когда же я буду носить красивую одежду? – думала и чувствовала в душе жалость к себе. – И в детстве не носила, и сейчас нет возможности что-нибудь купить. Была бы мама, как у других. Нет ее и некому нести свои обиды, некому бинтовать раны и перебитые крылья...»

Долго не спала Катя. И перед тем, как уснуть, вспомнила отца. Говорила вчера Зина, что видела его несколько дней назад вечером напротив общежития: он стоял в тени дерева и смотрел на окна, за которыми жила она, Катя Мезенцева.

Глава 8

Серые густые сумерки, перемешанные с разлапистыми мокрыми снежинками, слегка разбавлялись светом фонарей, мерцающих над головами прохожих, и подсвечивались витринами магазинов. Несмотря на порывы ветра, снег казался тихим и робким и таял на губах, ресницах, воротниках; таял, едва касаясь земли, и хлюпал из-под ботинок и сапожек мутной жижей. И только под фонарям хороводили снежинки, словно белые бабочки, слетевшиеся на свет и ночное крошечное тепло.

Улицы города в этот ноябрьский вечер заполняли только те, кто, подолгу засиживаясь на работе, давал отдых нервам, не имея сил на спешку, да молодой люд, кому такая погода не в счет.

Катя, в короткой поношенной шубке, что подарила ей уборщица тетя Нюра, торопилась в общежитие. Ее фигурка то пропадала в белой круговерти, то возникала под следующим фонарем. Пронизывая пучком света снежное крошево, он отвоевывал у этого хаоса часть просматриваемого пространства. Мокрый снег лепил в лицо, падал за шею и таял, обжигая холодом, и Катя, пригнув голову, нырнула в переулочек. Здесь было потише: огромные деревья, соединяясь вверху густыми ветвями, устроили над переулком вроде шалаша. Все, что Катя видела, все, что было сейчас вокруг нее и в ней: и эта слякоть, и вода под ногами, и полупустынная улица, и ее мысли, одна тревожнее другой, – все ей было необходимо. В тиши она отдыхала. Редко светились окна домов, и ей подумалось, что она совершенно одна в бесконечном и безразличном к ней городе и что здесь можно умереть и никому не будет до этого никакого дела. Пошла медленнее, жалея себя: на плечах – чужая шубка, в кармане – ни шиша.

– Катя! – донеслось с другой стороны. – Подожди, дочка.

Услышав до боли знакомый голос и узнав его, Катя остановилась, не зная, как ей поступить. Что делать? Ждать или бежать?

К ней через дорогу шел отец. Он уже почти бежал в своем черном пальто с каракулевым воротником, в той же шапке с козырьком, чужой, ссутулившийся, похудевший.

– Что надо? – одеревенело спросила Катя, соображая, как вести себя с ним дальше: то ли выслушивать все, что он будет говорить, то ли оборвать на полуслове. Она уйдет, а отец? Что будет с ним? И смягчилась, взглянув ему в лицо: – Только недолго. Мне некогда.

Василий Петрович зачем-то снял шапку, мял ее в руках и, наверное, тоже соображал, с чего начать трудный разговор с дочерью.

– Что, заклинило? – не желая затягивать встречу, торопила его Катя. – Сказать нечего? Или язык отвалился?

– Как ты, дочка, живешь? – Василий Петрович спросил таким голосом, будто его только что ранили, и он не имеет сил говорить. Катя не узнала бы этот голос, не будь отца рядом. – Что же не заходишь в свой дом? Обиделась... Забыла... – Слизывая с губ снежинки, волновался и разглядывал дочь, повзрослевшую, изменившуюся, в чужой старенькой шубке. – Зайди как-нибудь.

– Одень шапку. Замерзнешь. – В Катином голосе послышалась жалость, и Василий Петрович, обрадовавшись, что дочка его не прогоняет, надел шапку и торопливо заговорил, пытаясь высказать все, что накопилось на душе за последние, очень трудные месяцы своего одиночества.

– Я сейчас не пью... Поверь мне, доченька. Начал новую жизнь. А ту... проклял... Собрал деньги тебе на пальтишко. Уже присмотрел, но не знаю, понравится ли тебе. Ремонт в квартире сделал. Сам.. Зайди, Катя, посмотри. А лучше возвращайся домой совсем.

– Нет! – зло перебила его Катя, вспомнив последнюю ночь своего пребывания под отцовской крышей. – Мне хорошо и в общежитии. У меня нет отца. Нет его, понял?

Переступив с ноги на ногу, Василий Петрович втянул в плечи голову, ожидая других слов, более резких и жестких, но их не последовало, и он тихо промолвил:

– Прости меня за все, что было. Прости, доченька... Ушла из дома водка. Я казнил себя, много передумал и пережил. Я... я держал самый серьезный ответ перед совестью...

– А она у тебя есть? – прервав отца, бросила ему в лицо Катя. – Очень сомневаюсь. Ты потерянный... И для меня и всего общества.

Василий Петрович терпеливо выслушивал обвинения дочери: он знал, что у нее есть право на такие слова и боялся, как бы она не ушла. Он долго ждал этой встречи, часто караулил дочь, прячась за деревьями, киоском, и мучительно страдал, когда не смел ее окликнуть и лишь провожал глазами, роняя слезы.

– Сейчас есть. Нашел в себе силы начать трезвую жизнь. Больше полгода водки в рот не беру. И не буду. Хотят меня снова в школу взять.

– Сторожем? – не меняя позы, спросила Катя. – Или дворником? Метлу ведь пропьешь... Дверь снимешь и за водку отдашь. Я-то знаю.

Все больше бледнея, Василий Петрович съежился, словно дочка избивала его не словами, а кулаками. – Все не так, Катя. Математиком приглашают, но в другую школу. С испытательным сроком...

– Ну и ну! Истинный христосик! Хоть в угол ставь и молись.

– Изменился я, Катюша, – виновато проговорил Василий Петрович. Он достал платочек, протер очки, глаза. – Пойду в школу и заслужу у ребят уважение к себе. Верну доверие.

Катя видела, что отец был одет чисто: белая рубашка, галстук. Да и платочек новенький. Но сказала, все еще не веря ему:

– Ты как тот перелетный соловей: то на пихту, тот на ель.

– Что ты, доченька? Увидели, что я изменился. Справлялись обо мне на предыдущей работе. В магазине мне дали положительную характеристику. Последние месяцы я заслужил ее. Поверь мне!

Василий Петрович узнавал и не узнавал дочь: резкая, натянутая, так и сыпала колючими словами. Может, очень плохо ей живется? Конечно, плохо! Одна, без денег. Он, ее родной отец, ведь хотел узнать об этом и раньше: много раз приходил к общежитию, прятался, где попало, и не один раз, крадучись, шел за ней до самого училища, где она училась, но каждый раз боялся ее окликнуть.

Катя смотрела мимо отца, размышляя над его словами: верить или не верить?

– Идем домой, доченька, – предложил упавшим голосом, не надеясь на то, что она согласится. – Пусто без тебя. Очень пусто, а ты...

– А я учусь на швею. Помимо этого, зарабатываю еще себе на хлеб и чулки.

– Нужно большое терпение, чтобы жить в чужом доме, имея свой. – Василий Петрович был подавлен.

– А у меня его нет. Нет, нет! – почти выкрикнула Катя. – Да и душа пустая: там лишь полынь-трава. И в этом твоя вина. Я детства не имела. И сейчас...

– Знаю. И очень сожалею о прошлом. Как все искупить? Как? – Василий Петрович хотел взять дочь за руку, но она энергично дернулась. – Я проклинаю те годы, что прожил в водочном угаре. Теперь я не тот.

– Меня это не интересует. Ты разрушил мою душу, как суховей. Мне нечем дышать... На всякий случай запомни это. И не преследуй меня. – Катя резко отвернулась от отца и, не простившись, ушла в снежную круговерть, пряча слезы в хрустальные ресницы.

Василий Петрович остался один. Снег кружил у разгоряченного лица, оседал на шапке, воротнике, но он не двигался. Стоял темной тенью среди белого хаоса и думал, что завтра снова придет сюда, дождется Кати и вновь будет убеждать ее вернуться домой; не поможет – придет еще раз и еще...

Сгорбленная фигура одинокого человека еще долго маячила под холодным зимним небом.

Глава 9

– Катюша. Одевай мое платье, – предложила Наташа, ярко подсинивая глаза. – Оно тебе к лицу.

– Спасибо. Не надо, – с грустью сказала Катя, размышляя над тем, когда же, наконец, она будет иметь свою одежду, модную и красивую, и не верила этому: ей просто некому помочь. – Я и в этом не потеряюсь. Заплат нет и ладно.

– Да уж точно. Золото и в мишуре блестит, – шутит Зина и прикалывает к шерстяному платью красного цвета блестящую брошь. – Марк с тебя глаз не сводит. Высокий, подтянутый, красивый, но, чувствуется, нахальный. Прямо прет из него нахальство.

– Это с другими, но не со мной. – Катя елозит розовой помадой губы и тоже смеется. – У него денег – куры не клюют. Швыряет десятками, не считая. Откуда они?

– А, может, фальшивые? – Наташа закончила наводить косметику и засмотрелась на Катю: бедненькая, худенькая, но такая привлекательная!

– Не отказывай, если тебе предлагает дружбу. Пусть новую шубку купит. Эта уже расплзается.

– Ну да! – не приняла шутку Катя. – А потом потребует расплаты. Не нужны мне чужие вещи. Как-нибудь проживу и в своих. Зато никто с плеч не снимет.

Через несколько минут девушки вышли из общежития. Мороз к ночи крепчал, и под ногами приятно похрустывал смерзшийся снег. До клуба «Швейник» идти было недалеко – рукой подать, и Катя в своих стареньких стоптанных сапожках с заплатой на одном из них старалась идти по протоптанной дорожке, в то время как Зина и Наташа в своей новой теплой обуви забредали в снег, бодали его носками, резвясь и оглашая притихшие зимние улицы звонким девичьим смехом.

– Не надо хохотать на улице, – просит их Катя. – На нас же смотрят люди.

– Ну и что? Сейчас все можно: хочу пою, хочу плачу или пляшу. – Наташа скинула руки в ярко-красных рукавичках и встряхнула ими над головой. – Кому какое дело?

Подавляя раздражение, Катя пыталась схватить расшалившуюся подругу за рукав, но та вывернулась и, скользнув по льду, еле удержалась на ногах.

– Ух ты, могут и танцы накрыться, – с горечью произнесла, отряхивая с нового пальто снег. – До этого нельзя допустить. На дискотеке будут потери.

– Никто и не заметит, – отпарировала Зина.

Катя безмолвствовала: веселье – пока не для нее. Хорошо помнит, как в десятилетнем возрасте подходила к старому приемнику, включала его и, крутя ручкой, искала для себя музыку. А когда находила ее, порывистую, как ветер, яркую, как гром с молнией, переходящую в тихую, словно поющий ручеек, тот час же замирала и слушала до изнеможения. Тогда она еще не понимала, что это была симфоническая музыка. Позже мама научила ее узнавать в музыкальном ансамбле отдельные инструменты: альты, скрипки, флейты, тромбоны. И лучшего для себя отдыха она не представляла. Такую музыку любит до сих пор...

Впереди ярко горел огнями клуб и зывал молодежь танцевальной музыкой. На эстраде пел молодой парень в сверкающем пиджаке:

Таганка-а-а... Все ночи полные огня,
Таганка-а-а, зачем сгубила ты меня?

– будоражил всех его утомленный голос и, прижимаясь друг к другу, в такт танго шевелилась разноликая толпа.

В просторном зале было светло и тепло. Катю с подругами встретил Марк и пригласил всех к своему столику. Девушки отказались и тут же вошли в круг танцующих, а Катя села рядом с молодым элегантным человеком. Они закурили, обмениваясь незначительными фразами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.